https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.1.31.46

Ирина Викторовна Шевнина [1], shevnina_i@mail.ru,
Андрей Викторович Логвин [1], logvin_a@mail.ru
[1]Костанайский региональный университет
им. А. Байтурсынова, г. Костанай, Казахстан

Неолит Тургая: некоторые итоги и перспективы исследований*

Статья посвящена неолиту Тургая. Целью работы является подведение некоторых итогов исследований, проведенных в конце XX – начале XXI века. Основным населением Тургая в эпоху неолита являются племена маханджарской культуры. В ходе исследования маханджарской культуры были реконструированы основы жизнеобеспечения неолитического населения Тургая (хозяйство, изготовление каменных изделий, гончарное производство и т.д.), при этом были привлечены данные изотопного, петрографического и бинокулярного и палеозоологического анализов. Также в статье освещаются вопросы происхождения маханджарской культуры, возможные пути расселения маханджарского населения, контакты маханджарского населения с неолитическими племенами Зауралья и вопросы, связанные с изучением финального неолита Тургая. Территория Тургайского прогиба издревле являлась так называемым «коридором» между Средней Азией и Уралом, Сибирью, то есть контактной зоной и является важной частью миграционных процессов протекавших в Евразии.

Ключевые слова: неолит Тургая, маханджарская культура, белкарагайский тип керамики, боборыкинская культура, кошкинская культура, козловско-полуденская культура

Ирина Викторовна Шевнина[1],
Андрей Викторович Логвин[1]
[1] А. Байтұрсынов атындағы Қостанай өңірлік университеті,
Қостанай қ., Қазақстан

Торғай неолиті: зерттеудің кейбір нәтижелері мен келешегі

Мақала Торғай неолитіне арналған. Жұмыстың мақсаты – XX ғасырдың соңы – XXI ғасырдың басында жүргізілген зерттеулердің кейбір нәтижелерін қорытындылау. Неолит дәуіріндегі Торғайдың негізгі тұрғындары – маханджар мәдениетінің тайпалары. Маханджар мәдениетін зерттеу барысында Торғайдың неолиттік тұрғындарының тұрмыс-тіршілігінің негіздері (шаруашылық, тас бұйымдарын дайындау, қыш өндірісі және т.б.) қайта қалпына келтірілді, бұл ретте изотоптық, петрографиялық және бинокулярлық және палеозоологиялық талдаулардың деректері тартылды. Мақалада сонымен қатар маханджар мәдениетінің шығу тегі, маханджар тұрғындарының қоныс аударуының мүмкін жолдары мен Орал бойы неолиттік тайпаларымен байланысы және Торғайдың соңғы неолит дәуірін зерттеуге қатысты мәселелер де қарастырылған. Торғай ойсының аумағы ежелден-ақ Орта Азия мен Орал, Сібір арасындағы «дәліз», яғни байланыс аймағы және Еуразияға жылжыған көші қон үрдісінің маңызды бөлігі болды.

Түйін сөздер: Торғай неолиті, маханджар мәдениеті, керамиканың белқарағай түрі, боборыкин мәдениеті, кошкин мәдениеті, козловск-полуден мәдениеті

© 2023 г. Шевнина И.В., Логвин А.В.
**Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2023–2024, ИРН проекта № BR18574223*

Irina Shevnina[1],
Andrey Logvin[1]
[1]Kostanay Regional University
named after A. Baitursynova,
Kostanay, Kazakhstan

Turgai Neolithic: Some Results and Perspectives of Research

The article is devoted to the Neolithic Turgai. The purpose of the work is to summarize some of the results of research conducted in the late 20th – early 21st century. The main population of Turgai in the Neolithic era are the tribes of the Mahandzhar culture. In the course of the study of the Mahandzhar culture, the foundations of the life support of the Neolithic population of Turgai were reconstructed (agriculture, manufacture of stone products, pottery, etc.). At the same time, data from isotopic, petrographic and binocular and paleozoological analyses were involved. The article also highlights the issues of the origin of the Mahandzhar culture, possible ways of settling the Mahandzhar population, contacts of the Mahandzhar population with the Neolithic tribes of the Trans-Urals and issues related to the study of the final Neolithic of Turgai. Since ancient times, the territory of the Turgai trough has been the so-called "corridor" between Central Asia and the Urals, Siberia; that is the contact zone and is an important part of the migration processes that took place in Eurasia.

Keywords: Neolithic of Turgai, Mahandzhar culture, Belkaragai type of ceramics, Boborykino culture, Koshkino culture, Kozlovsko-Poludenskoye culture

Введение. У истоков изучения памятников каменного века Тургайского прогиба стояли такие известные археологи, как С.И. Руденко, П.П. Ефименко, А.Я. Брюсов и А.А. Формозов. Целенаправленное же изучение неолитической эпохи региона связано с В.Н. Логвиным и его учениками. На сегодняшний день накопленные многочисленные неолитические материалы Тургая позволяют подвести некоторые итоги и обозначить дальнейшие перспективы исследований в этом направлении.

Тургай – это участок Урало-Казахстанских степей приуроченный к Тургайскому прогибу. Большая часть территории Тургая находится в пределах Костанайской области Северного Казахстана. Тургайские степи граничат с полупустынными, горными и лесными ландшафтами, что в некоторой степени обусловило самобытность и многообразие археологического наследия Тургая. Территория Тургайского прогиба являлась транзитной между «лесной» и «южной степной» зонами уже с эпохи неолита и играла большую роль в миграционных процессах евразийских степей. При проведении палеоклиматичесой реконструкции региона было установлено, что в период неолита территория Тургая была благоприятной для жизни людей. Климат был более теплым и более влажным, чем в современности. Это отражалось на развитии растительности, привлекавшей представителей животного мира, служивших объектами охоты для человеческих коллективов [Шевнина 2019: 11–13; Логвин, Шевнина 2021: 16–18].

Маханджарская культура. Основным населением Тургая в эпоху неолита можно с уверенностью считать маханджарские племена[1] охотников-собирателей, поскольку именно ими была освоена вся территория Тургайского прогиба [Шевнина, Логвин 2020: 58–68]. Хронологические рамки существования маханджарской культуры определяются концом VI – концом V тыс. до н.э. (таблица 1)

Всего на территории Тургайского прогиба известно 22 памятника, в которых содержатся материалы маханджарских древностей (рис. 1). С большей части маханджарских памятников были получены коллекции, содержащие разновременные материалы. Две стоянки (Соленое Озеро 2 и Екидин 24) являются эталонными, давшими только маханджарские материалы.

В ходе исследования маханджарской культуры были реконструированы основы жизнеобеспечения неолитического населения Тургая (хозяйство, изготовление каменных изделий, гончарное производство и т.д.). С этой целью были привлечены данные изотопного, петрографического и бинокулярного, палеозоологического анализов.

Изготовление каменных орудий. В качестве сырья для изготовления орудий маханджарцы использовали, в основном, гипергенные кварциты и кварцитопесчаники местного происхождения, преимущественно серых разновидностей.

В основе изготовления орудий лежала призматическая техника скалывания пластин правильной формы с конусовидных и подпризматических нуклеу-

[1] Маханджарская культура была открыта В.Н. Логвиным в конце 70-х годов 20 века

Таблица 1 – Радиоуглеродные даты с маханджарских памятников
1-кесте – Маханжар ескерткіштерінен алынған радиокөміртек мерзім
Table 1 – Radiocarbon dates from the Mahanjar monuments

п/п	Лабораторный шифр	Памятник	^{14}C BP	Калиброванная дата 68.2 (1σ)	Калиброванная дата 95.4 (2σ)	Датируемый материал
1.	Ki-13751	Стоянка Екидин 24	5910±70	4860–4690 BCcal	4950–4590 BCcal	Кость животного
2.	SPb-1670	Стоянка Екидин 24	5662±120	4650–4363 BCcal	4790–4267 BCcal	Керамика
3.	SPb-1671	Стоянка Соленое Озеро 2	5966±120	5007–4709 BCcal	5209–4581 BCcal	Керамика
4.	SPb-3209	Стоянка Дузбай 3	5866±100	4846–4556 BCcal	4988–4496 BCcal	Керамика
5.	BRAMS-3050	Поселение Бестамак	6216±27	5216–5072	5298–5055	Липиды на керамике
6.	BRAMS- 3051	Поселение Бестамак	6272±27	5302–5215	5317–5132	Липиды на керамике
7.	BRAMS-3052	Поселение Бестамак	6092±27	5041–4953	5203–4936	Липиды на керамике

сов (рис. 2, *1–8*), что само по себе указывает на вкладышевый принцип формирования орудий. В пользу этого говорят и найденные на Кара-Мурзе 6 оправы, изготовленные из трубчатых костей животных. При этом в качестве вкладышей часто использовались пластины без вторичной обработки. Во вторичной обработке, при изготовлении орудий на пластинах, применялось ретуширование и резцовый скол. Ретушь использовалась в равной степени, как притупливающая, так и приостряющая. Резцовый скол, как правило, наносился на углу сломанной пластины. Одной из важной, хотя и не многочисленной группой являются геометрические орудия. Можно уверенно говорить, что маханджарской каменной индустрии присущи такие их виды как симметричные трапеции, в том числе и «рогатые», крупные параллелограммы, близкие им по размерам прямоугольники, а возможно и ассиметричные трапеции и треугольники. Близки этой категории пластины с притупленной спинкой.

Обычной находкой на маханджарских памятниках являются пластины со скошенным под острым углом торцом, с прямым ретушированным торцом, резцы, как правило, угловые с одним или двумя резцовыми сколами. Острия на пластинах представлены сверлами и проколками. Довольно многочисленны на маханджарских памятниках скребки из пластин, абсолютно преобладают концевые скребки с одним прямым или скошенным лезвием. Самой многочисленной группой орудий из пластин являются пластины с ретушью по боковым краям. Среди них преобладают пластины, ретушированные со спинки по одному и по двум боковым краям, встречается и пластины, ретушированные с брюшка. Пластин с чередующейся, противолежащей и встречной ретушью сравнительно мало.

Также маханджарцы использовали шлифование и сверление, о чем свидетельствуют, хоть и не многочисленные, но выразительные находки шлифованных топоров (рис. 2, *9, 11; 6*), «утюжков» (рис. 2: *10; 5)* и каменного пряслица [Логвин В.Н. 1991: 11–23; Логвин А.В. 2002: 15–23; Логвин, Шевнина 2007: 174–179; 2021: 19–23].

Керамическое производство[2]. Маханджарские сосуды имеют довольно оригинальную форму, удлиненные пропорции, острое коническое дно, высокую шейку, резко отогнутую наружу, верхняя часть которой слегка загнута внутрь сосуда (рис. 3). Маханджарские

[2] Маханджарское гончарство было изучено И.В. Шевниной [Шевнина 2014]

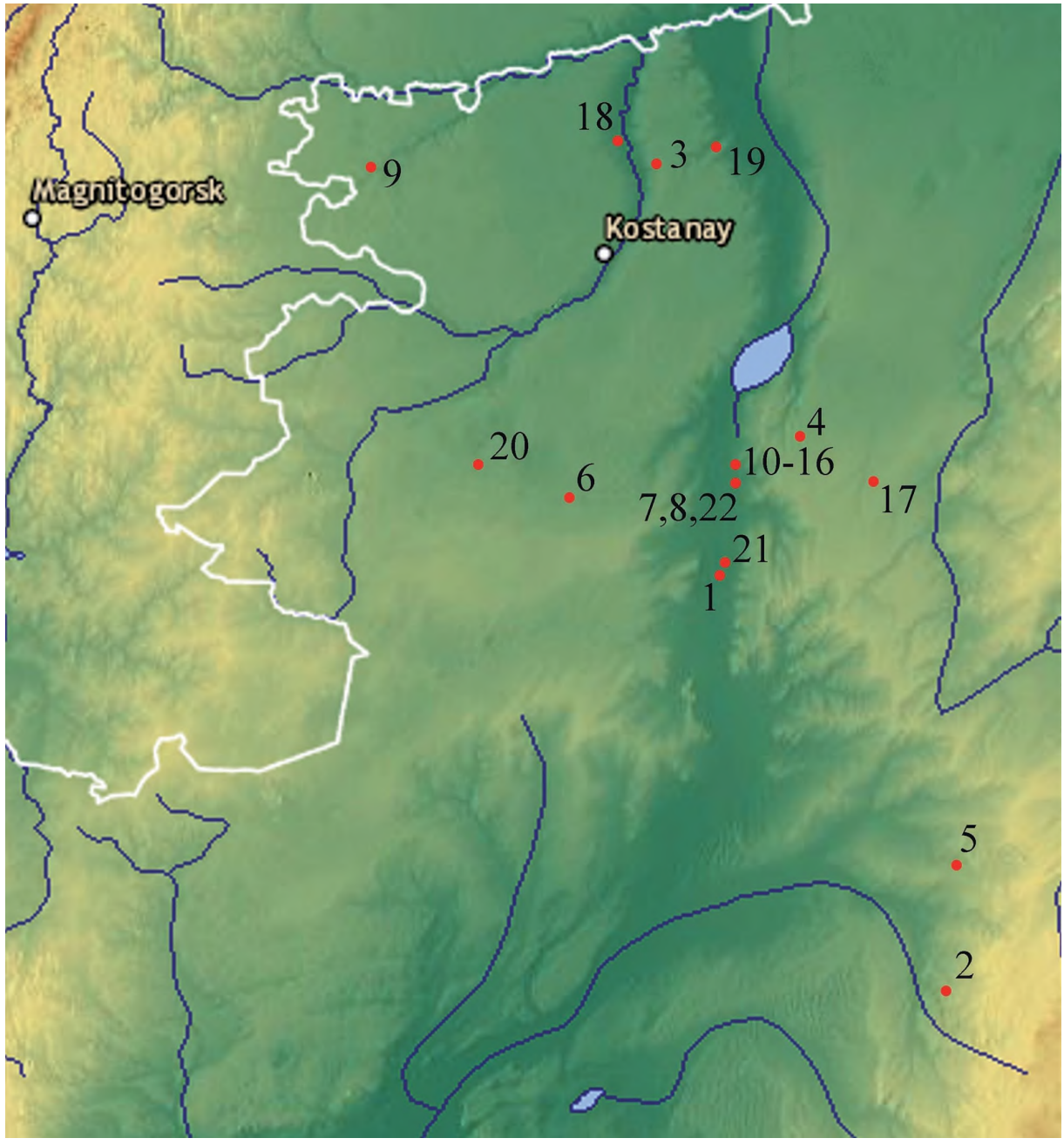

Рис. 1. Карта памятников маханджарской культуры на территории Тургайского прогиба: 1 – Соленое Озеро 2; 2 – Екидин 24; 3 – Алкау 2; 4 – Амангельды; 5 – Ашутасты; 6 – Белкарагай 1; 7 – Бестамак; 8 – Буруктал 1; 9 – Бурли II; 10 – Дузбай 1; 11 – Дузбай 2; 12 – Дузбай 3; 13 – Дузбай 4; 14 – Дузбай 7; 15 – Дузбай 9; 16 – Дузбай 12; 17 – Кара-Мурза 6; 18 – Надеждинка 2; 19 – Маханджар; 20 – Саз 2; 21 – Сор 2; 22 – Сулуколь 1. 1–3, 5, 8–17, 19–22 – стоянки; 4, 6, 7, 18 – поселения

1-сур. Торғай ойысы аумағындағы маханжар мәдениеті ескерткіштерінің картасы: 1 – Соленое Озеро 2; 2 – Екідің 24; 3 – Алқау 2; 4 – Амангелді; 5 – Ашутасты; 6 – Белқарағай 1; 7 – Бестамақ; 8 – Бұрықтал 1; 9 – Бүрлі II; 10 – Дүзбай 1; 11 – Дүзбай 2; 12 – Дүзбай 3; 13 – Дүзбай 4; 14 – Дүзбай 7; 15 – Дүзбай 9; 16 – Дүзбай 12; 17 – Қара Мырза 6; 18 – Надеждинка 2; 19 – Маханжар; 20 – Саз 2; 21 – Сор 2; 22 – Сұлукөл 1. 1–3, 5, 8–17, 19–22 – тұрақтар; 4, 6, 7, 18 – қоныстар

Fig. 1. Map of the monuments of Mahanjar culture on the territory of the Turgai trough: 1 – Solyonoe Ozero 2; 2 – Ekidin 24; 3 – Alkau 2; 4 – Amangeldy; 5 – Ashutasty; 6 – Belkaragai 1; 7 – Bestamak; 8 – Buruktal 1; 9 – Burli II; 10 – Duzbai 1; 11 – Duzbai 2; 12 – Duzbai 3; 13 – Duzbai 4; 14 – Duzbai 7; 15 – Duzbai 9; 16 – Duzbai 12; 17 – Kara-Murza 6; 18 – Nadezhdinka 2; 19 – Mahanjar; 20 – Saz 2; 21 – Sor 2; 22 – Sulukol 1. 1–3, 5, 8–17, 19–22 – settlements; 4, 6, 7, 18 – sites

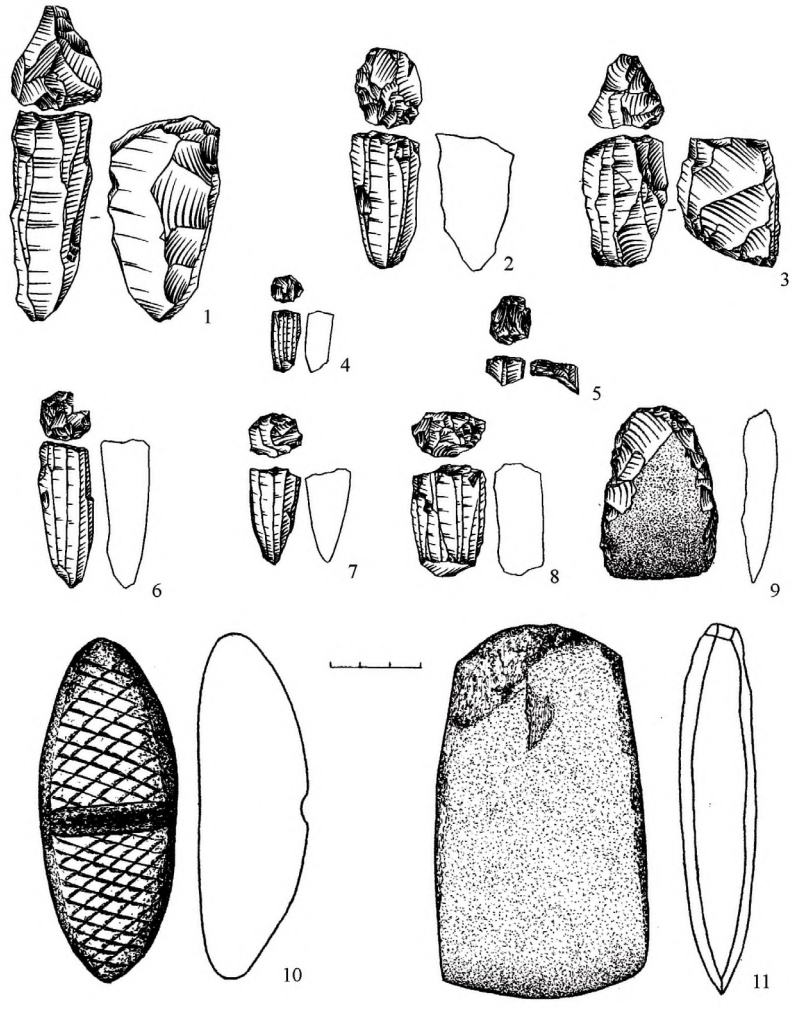

Рис. 2. Маханджарская культура. Каменный инвентарь:
1–8 – Кара-Мурза 6; 9 – Екидин 24; 10–11 – Амангельды

2-сур. Маханжар мәдениеті. Тас құралдар:
1–8 – Қара Мырза 6; 9 – Екідің 24; 10-11 – Амангелді

Fig. 2. Mahanjar culture. Stone tools:
1–8 – Kara-Murza 6; 9 – Ekidin 24; 10-11 – Amangeldy

гончары для лепки сосудов использовали запесоченные глины, расположенные по берегам рек и озер. При подготовке глиняного теста обязательно добавлялась шерсть и волос животных сайги, кулана и лошади Пржевальского, которая давала хорошую усадку при сушке сосудов и являлась своеобразной «арматурой» при конструировании довольно сложной формы маханджарских сосудов [Шевнина 2015: 160]. Господствующей техникой нанесения узоров является зубчатый штамп. Другие приемы орнаментации (вдавления и прочерчивания) носят подчиненный характер по отношению к зубчатому штампу. Стиль орнаментирования – геометрический. [Шевнина 2019: 19–20].

Домостроительство. К сожалению, остатков жилищ, достоверно относящихся к маханджарской культуре, пока не обнаружено. На стоянке Екидин 24 были найдены остатки каменных очагов и скопления камней, по которым было предположено наличие у маханджарцев легких шалашеобразных конструкций. Возможно, к маханджарской культуре относятся остатки углубленного в землю на 0,5 м жилища, на стоянке Дузбай 1 [Логвин 1991: 12].

Сложен вопрос с реконструкцией *косторезного дела*, так как находки костяных изделий единичны: на стоянке Дузбай 1 в заполнении предположительно маханджарского сооружения были найдены три небольших лопаточки, изготовленные из кости, а на стоянке Кара-Мурза 6 найдены костяные оправы для вкладышевых ножей (рис. 4). О *деревообработке* можно судить по наличию соответствующих орудий труда – резцов и рубящих орудий. Наличие *кожевенного* дела может документироваться наличием инструментов обработки кожи – скребков, острий и проколок [Логвин, Шевнина 2007: 182; Логвин, Шевнина 2021: 22–24]

Основой экономики маханджарских племен была присваивающая экономика (охота, собирательство, рыболовство). Остеологические[3] коллекции маханджарских памятников дают возможность уверенно считать основным объектом охоты сайгу (76%), также охотились на лошадь Пржевальского (20%) и кулана (4%). Судя по пригарам сосудов, пища была композитной, блюда состояли из сочетаний: мяса с незерновыми растениями [Гайдученко 2000: 150–163; Casanova et al. 2022: 175]. Это могли быть

[3] Палеозоологические определения были выполнены Л.Л. Гайдученко

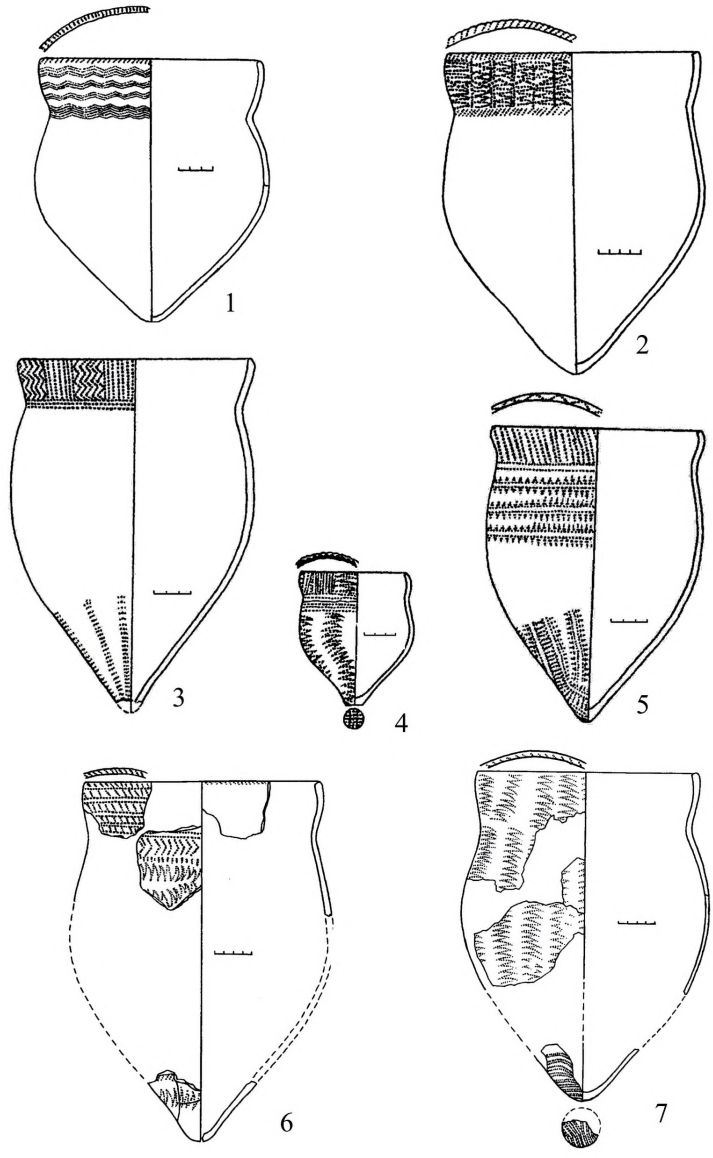

Рис. 3. Сосуды маханджарской культуры: 1 – Белкарагай; 2 – Бестамак; 3–5 – Соленое Озеро 2; 6, 7 – Саз 2
3-сур. Маханжар мәдениетінің ыдыстары: 1 – Белқарағай; 2 – Бестамақ; 3–5 – Соленое Озеро 2; 6, 7 – Саз 2
Fig. 3. Vessels of the Mahanjar culture: 1 – Belkaragai; 2 – Bestamak; 3–5 – Solyonoe Ozero 2; 6, 7 – Saz 2

луковицы, корневища, листья и стебли растений, а также грибы.

Нельзя не упомянуть о возможности возникновения новых форм хозяйствования уже в эпоху неолита. Л.Л. Гайдученко связывал появление домашней лошади с эпохой позднего неолита [Гайдученко 2009: 27–30]. В пользу возможности одомашнивания лошади свидетельствуют и результаты изотопного анализа керамики с поселения Бестамак [Casanova et al. 2022: 175]. Исследование показало, присутствие остатков лошадиного молока/мяса/жира в трех фрагментах от разных маханджарских сосудов с поселения Бестамак. Как известно, липиды кобыльего молока были зафиксированы A Outram, R. Evershed, N. Stear и на Ботае, где они считают это показателем использования в питании населения кобыльего молока, что, в свою очередь, является показателем одомашнивания лошади [Outram et al. 2009: 1332–1335]. Таким образом, для маханджарского населения в настоящее нельзя исключать возможность практикования, в какой-то форме, скотоводства, но ясно, что присваивающие формы хозяйства играли чрезвычайно важную, скорее всего определяющую роль в экономической сфере его жизнеобеспечения [Логвин, Шевнина, 2021: 23–27].

Вопросы происхождения маханджарской культуры. В результате поиска аналогий была выявлена сопоставимость маханджарских и среднеазиатских материалов (оюклинской культуры западной Туркмении и синхронные с ними ранненеолитические дарьясайские материалы (низовья Зеравшана) и полуострова Мангышлак). Профилировка шеек оюклинской и дарьясайской керамики, а так же тонкостенность, лощение внешней и внутренней поверхности, тяготение к орнаментированию только верхней части сосудов, преобладание в орнаментике таких мотивов, как «елочка», «шагающая» гребенка, вертикальные и горизонтальные заполненные колонки, образующие прямоугольные фигуры (по А.В. Виноградову) и т.д. находит прямые аналогии в маханджарских керамических комплексах [Марков 1962; Виноградов 1981; Астафьев 2014] (рис. 5). При описании тонкостенной

керамики со стоянок Учащи 131, и Учащи А, Космола 2 и 5 А.В. Виноградовым указывается, что для нее характерна обильная тонкая растительная, выгоревшая при обжиге примесь в тесте. Кроме того отмечается, что все сосуды с отогнутым наружу венчиком (которые имеют прямые аналогии по профилировке шеек с маханджарскими) сделаны из глины с растительной примесью [Виноградов 1981: 66, 90, 92][4]. Среди отличий маханджарской керамики от оюклинской следует признать преобладающее значение зубчатого штампа в украшении маханджарской керамики и остродонность. Так же в оюклинской керамике явно превалирует прочерченная техника и техника вдавлений. Тем не менее, в коллекциях маханджарской керамики присутствуют эти приемы орнаментирования, более того есть полностью орнаментированные сосуды где сочетаются техники волнистого прочерчивания и вдавлений. Отличие в оформлении дна оюклинских и маханджарских сосудов может трактоваться как признак разных этапов одной культуры, с разными типами дна, так и сосуществования плоскодонных и остродонных сосудов [Шевнина, Логвин 2020: 58–63].

Сравнение каменных коллекций с маханджарских и среднеазиатских памятников показывает высокую степень сопоставимости по типам орудий, но при этом имеются и различия (рис. 6). В коллекции со стоянки Учащи 131, помимо симметричных трапеций составляющих основную часть геометрических орудий, в небольшом количестве присутствуют низкие, сильно ассиметричные трапеции и треугольники, что на наш взгляд, сближает дарьясайские и мангышлакские неолитические стоянки. Своеобразие среднеазиатским материалам придает большое количество пластин с ярко выраженными выемчатым краем, «переходящим часто в неправильно-зубчатое лезвие» [Виноградов 1981: 65]. При имеющихся различиях между маханджарскими, сенекскими и среднеазиатскими каменными коллекциями все же можно уверенно говорить об их принципиальной сопоставимости, базирующейся на одной технике скалывания [Шевнина, Логвин 2020: 63–64].

Возможные пути расселения маханджарского населения. По нашему мнению, маханджарские материалы региона это уже сложившийся культурный массив, формирование начального этапа среди тургайских материалов пока не зафиксировано.

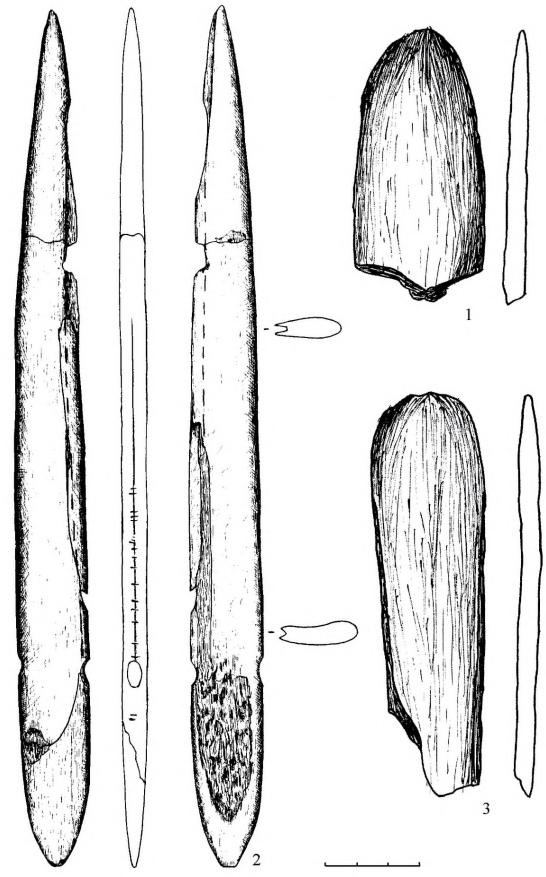

Рис. 4. Маханджарская культура. Изделия из кости:
1 – Кара-Мурза 6; 2, 3 – Дузбай 1
4-сур. Маханжар мәдениеті. Сүйектен жасалған бұйымдар:
1 – Қара Мырза 6; 2, 3 – Дүзбай 1
Fig. 4. Mahanjar culture. Bone products: 1 – Kara-Murza 6;
2, 3 – Duzbai 1

Маханджарские сосуды на сегодняшний день являются самой ранней керамикой региона, при этом имеют технологически трудновыполнимую форму, что сложно себе представить на начальном этапе формирования гончарных навыков. Это позволяет нам предположить, что истоки маханджарских древностей следует искать за пределами Тургайского прогиба и заставляет пристальней взглянуть на культурные традиции раннего неолита Средней Азии и Мангышлака. На наш взгляд, часть населения, оставившего оюклинские, сенекские, дарьясайские и космолинские памятники, в результате миграционных процессов выдвинулась к северу и северо-востоку, что и послужило основой для формирования маханджарской культуры. Нам видятся два возможных пути переселения: 1) с Прибалханья и Мангышлака через

[4] Подобная растительная примесь может вполне оказаться типичной для маханджарской керамики примесью шерсти и волоса животных, отпечатки которой очень похожи на отпечатки растительности

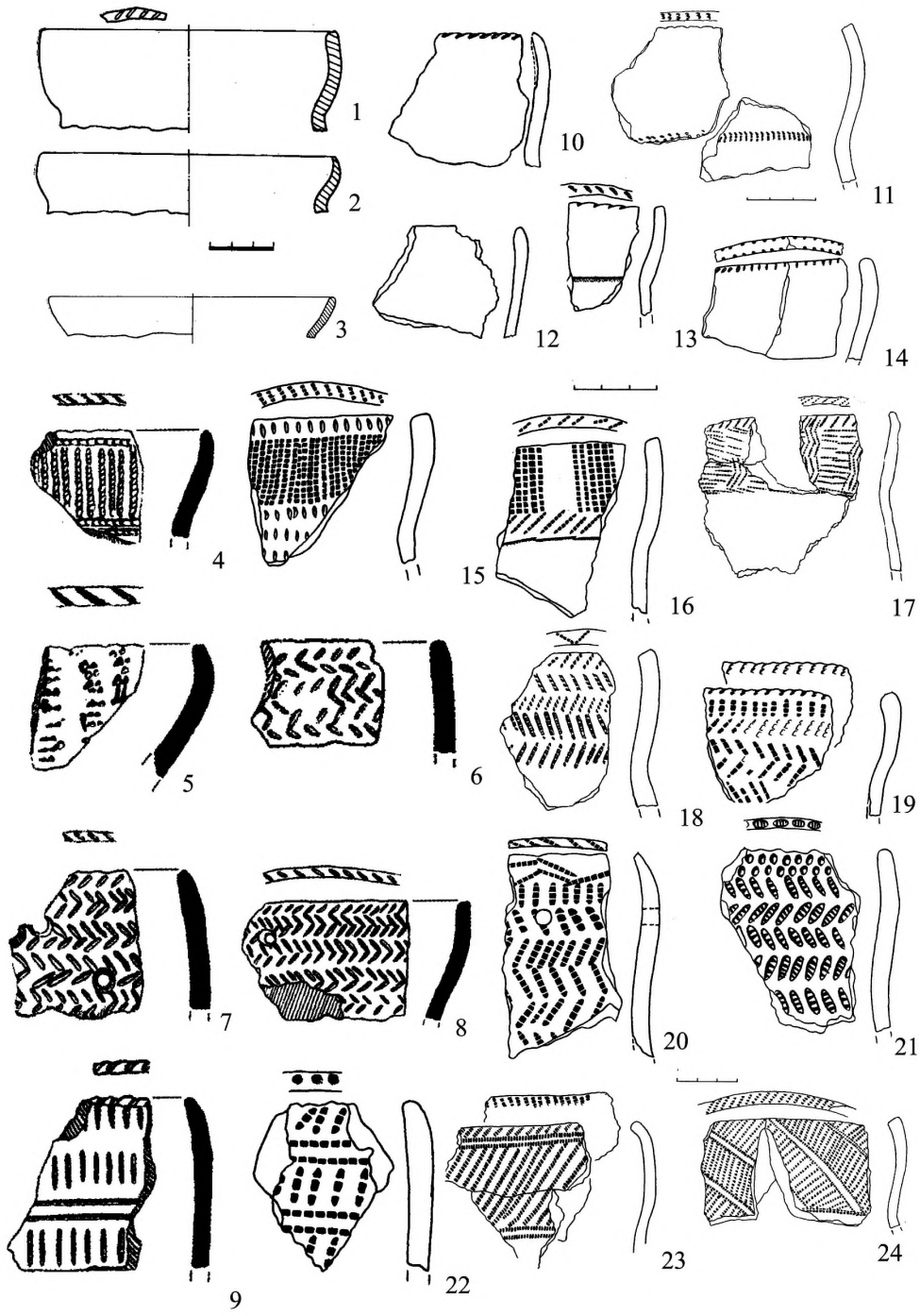

Рис. 5. Дарьясайская (по: [Виноградов 1981]), оюклинская (по: [Марков 1962]) и маханджарская керамика:
1, 3 – Космола 5; 2 – Космола 2; 4–9 – Оюклы 1, Оюклы 4; 10 – Маханджар ; 11 – Ашутасты;
12–21, 23, 24 – Бестамак; 22 – Сулуколь 1

5-сур. Дариясай ([Виноградов 1981] бойынша), оюклин ([Марков 1962] бойынша) және маханжар керамикасы:
1, 3 – Қосмола 5; 2 – Қосмола 2; 4–9 – Оюклы 1, Оюклы 4; 10 – Маханжар; 11 – Ашутасты;
12–21, 23, 24 – Бестамақ; 22 – Сұлукөл 1

Fig. 5. Daryasai – after – Vinogradov 1981, Oyukly – after – Markov 1962 and Mahanjar ceramics: 1, 3 – Kosmola 5;
2 – Kosmola 2; 4–9 – Oyukly 1, Oyukly 4; 10 – Mahanjar; 11 – Ashutasty; 12–21, 23, 24 – Bestamak; 22 – Sulukol 1

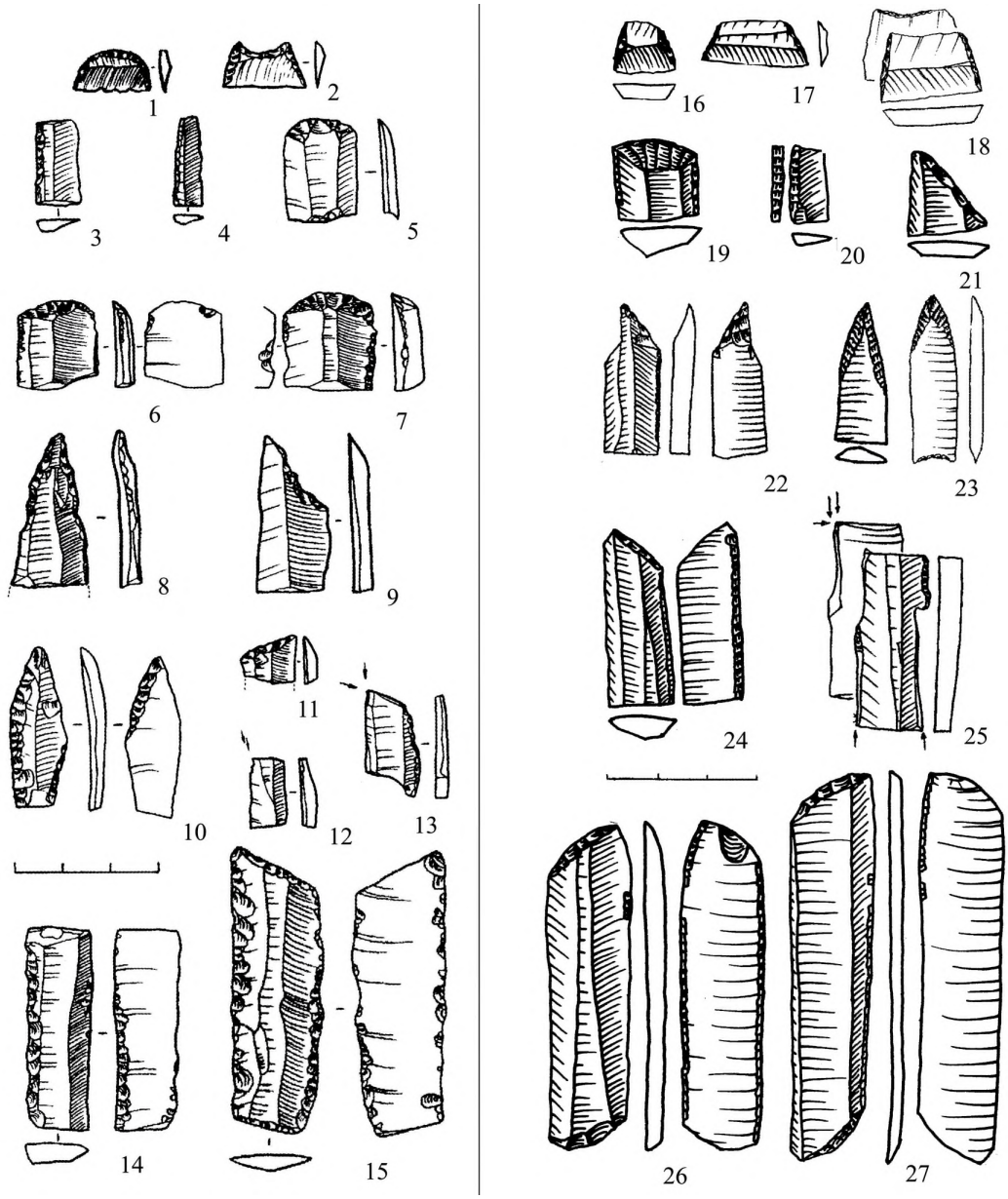

Рис. 6. Каменный инвентарь: 1–15 – стоянки оюклинской культуры Сенек 5 и Шебир 7 (по: [Астафьев 2014]);
16–27 – стоянки маханджарской культуры
6-сур. Тас құралдар: 1–15 – Сенек 5 және Шебір 7 оюклин мәдениетінің тұрақтары ([Астафьев 2014] бойынша);
16–27 – маханжар мәдениетінің тұрақтары
Fig. 6. Stone tools: 1–15 – sites of the Oyukly culture Senek 5 and Shebir 7 – after – Astafyev 2014;
16–27 – sites of the Mahanjar culture

северное Приаралье и далее вдоль реки Тургай; 2) со Среднеазиатского междуречья вдоль р. Сарысу и ее притоков до гор Алатау, по верхним притокам р. Тургай и далее на север. Для проверки этой гипотезы были проведены археологические разведки по маршрутам: 1) по берегам реки Тургай, к юго-западу от с. Торгай; 2) по берегам рек Кара-Тургай и Кара-Кенгир.

По первому направлению была проведена археологическая разведка к низовьям реки Тургай, в направлении слияния ее с рекой Иргиз, в результате которой было найдено 5 стоянок, содержащих неоли-

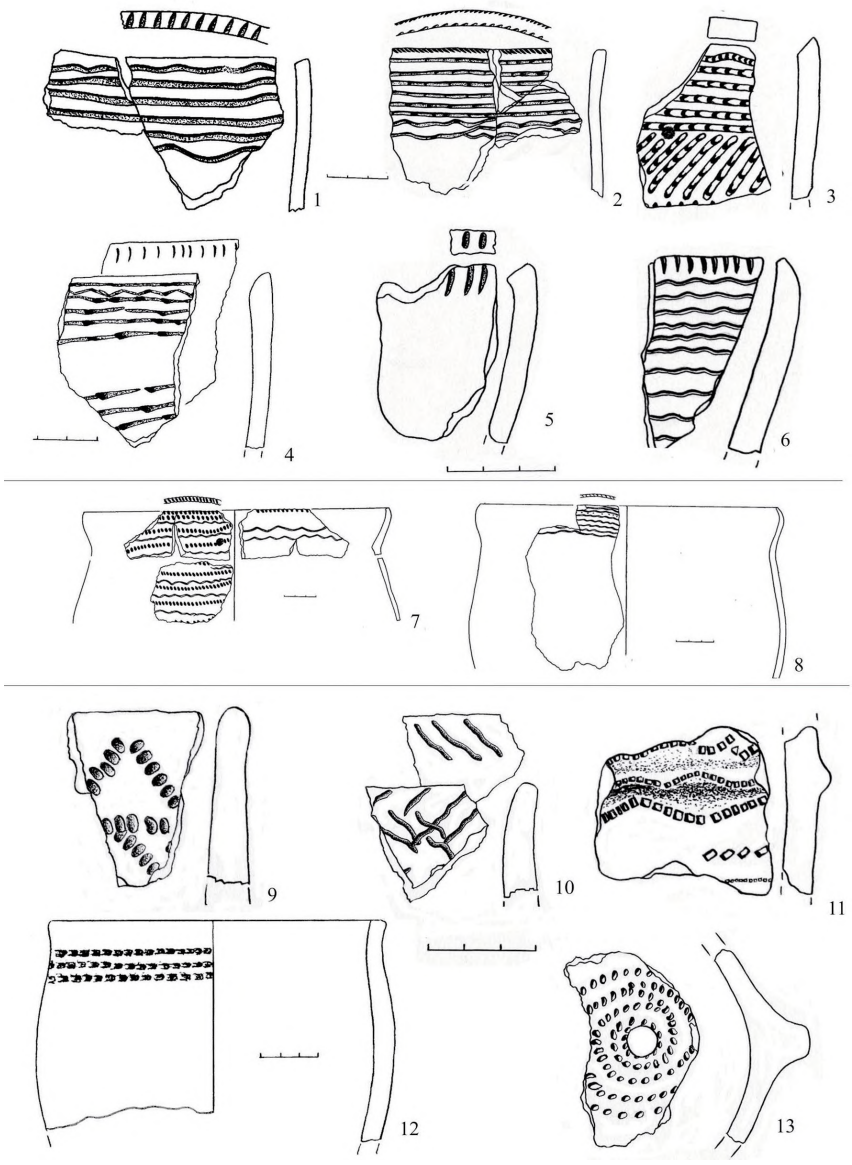

Рис. 7. Неолитическая керамика Тургая: 1–6 – кошкинская группа; 7, 8 – маханджарские сосуды с басьяновскими чертами; 9–13 – керамика боборыкинского облика. 1–3, 5–11, 13 – поселение Бестамак; 4 – стоянка Узынагаш; 12 – поселение Белкарагай

7-сур. Торғайдың неолит керамикасы: 1–6 – кошкин тобы; 7, 8 – басьянов белгілері бар маханжар ыдыстары; 9–13 – боборыкин бейнесіндегі керамика. 1–3, 5–11, 13 – Бестамақ қонысы; 4 – Ұзынағаш тұрағы; 12 – Белқарағай қонысы

Fig. 7. Neolithic ceramics of Turgai: 1–6 – Koshky group; 7, 8 – Mahanjar vessels with Basyan features; 9–13 – ceramics of the Boborykino appearance. 1–3, 5–11, 13 – Bestamak settlement; 4 – Uzynagash site; 12 – Belkaragai settlement

тические маханджарские материалы [Жалелов 2022: 22–126]. По второму направлению по рекам Карагай и Кара-Кенгир (правый приток реки Сарысу) было обнаружено 19 новых археологических памятников. В ходе разведки почти на каждом памятнике удалось получить фрагментированную керамику и пластинчатый комплекс. На некоторых памятниках имеются экземпляры, которые можно соотнести с маханджарской керамикой [Туленбаев, Урстемов, Степаненко 2023: 197–201]

Полученные в ходе разведок материалы не отрицают возможности передвижения маханджарского населения по обозначенным рекам. Памятники, найденные у низовий реки Тургай дали дополнительные свидетельства о возможном переселении маханджарских племен на территорию Тургайского прогиба, с юго-западного направления, с Северного Приаралья. Большую роль, по нашему мнению здесь могла сыграть сайга и ее миграции. По всей видимости, в климатических условиях раннего и среднего голоцена, близких к современным, миграции сайги проходили, примерно, по тем же маршрутам, а в период большей увлажненности (атлантик) сайга должна была зимовать чуть южнее, в среднеазиатском междуречье. Можно предполагать, что летняя миграция на север сайги, являющейся объектом охоты маханджарцев, была одним из факторов, обусловивших проникновение в Тургай оюклинского и дарьясайского населения, принесшего «желобчатую» керамику и, видимо, участвовавшего в сложении маханджарской культуры [Логвин, Шевнина 2021: 25–26].

Контакты маханджарского населения с неолитическими племенами Зауралья. Довольно длительное время считалось, что в эпоху неолита на территории

Тургайского прогиба проживали только племена маханджарской культуры. Но как показали недавние исследования, керамические комплексы памятников каменного века Тургая довольно разнообразны, и часть керамики не является маханджарской, а имеет прямые аналогии в Зауральском неолите [Шевнина 2018: 73,74; 2019: 25–30; Шевнина, Логвин 2020: 64–66; Шевнина 2022: 135–150]. Это керамика кошкинского, козловско-полуденского и боборыкинского облика (рис. 7; 8). Перечисленные группы очень малочисленны, что, скорее всего, указывает на инородный (пришлый) характер коллективов, изготовлявших данную посуду. Предполагаемое взаимодействие разных групп населения нашло отражение в керамическом стиле, что хорошо видно на примере тургайских материалов. Маханджарские сосуды с поселения Бестамак, орнаментация которых (чередование прочерченных зигзагов и вдавлений) и невысокая желобчатая шейка имеют прямые аналогии в басьяновко-бобрыкинской традиции [Шорин, Вилисов, Шорина 2015: 5–18] (рис. 7, *7, 8*). В качестве проявлений взаимодействия маханджарских племен с козловско-полуденской средой можно отметить единичное использование в орнаментации маханджарских сосудов не характерной для них протащенной гребенки, мотивы из вертикальных лесенок, выполненных ямочными вдавлениями на маханджарских сосудах (рис. 8, *6–8, 10, 11*). Но, пожалуй, самым ярким проявлением маханджарского влияния является наличие типичной маханджарской примеси шерсти и волоса животных в сосудах с «ушками», «наплывами» (рис. 8, *1, 2*). Можно полагать, что маханджарцы, по всей видимости, не только активно контактировали с лесными племенами, но и проникали в их «среду», примером тому служат немногочисленные находки маханджарской керамики в неолитических мате-

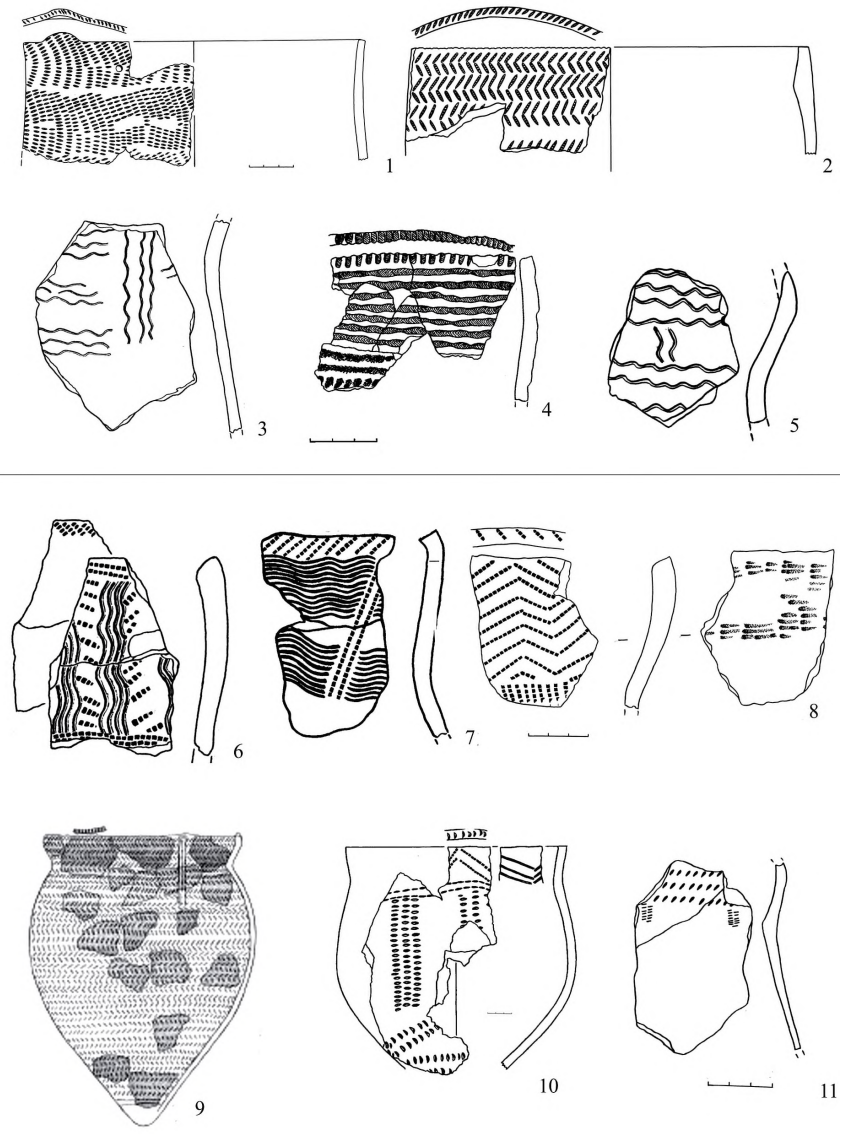

Рис.8. Неолитическая керамика Тургая: 1–5 – козловско-полуденская группа; 6–11 – маханджарская керамика с козловско-полуденскими чертами. 1–8, 10,11 – поселение Бестамак; 9 – поселение Кочегарово 1

8-сур. Торғайдың неолит керамикасы: 1–5 – козлов-полуден тобы; 6–11 – козлов-полуден белгілері бар маханжар керамикасы. 1–8, 10,11 – Бестамақ қонысы; 9 – Кочегарово 1 қонысы

Fig. 8. Neolithic ceramics of Turgai: 1–5 – Kozlovsko-Poludenskoe group; 6–11 – Mahanjar ceramics with Kozlovsko-Poludenskoe characteristics. 1–8, 10, 11 – Bestamak settlement; 9 – Kochegarovo 1 settlement

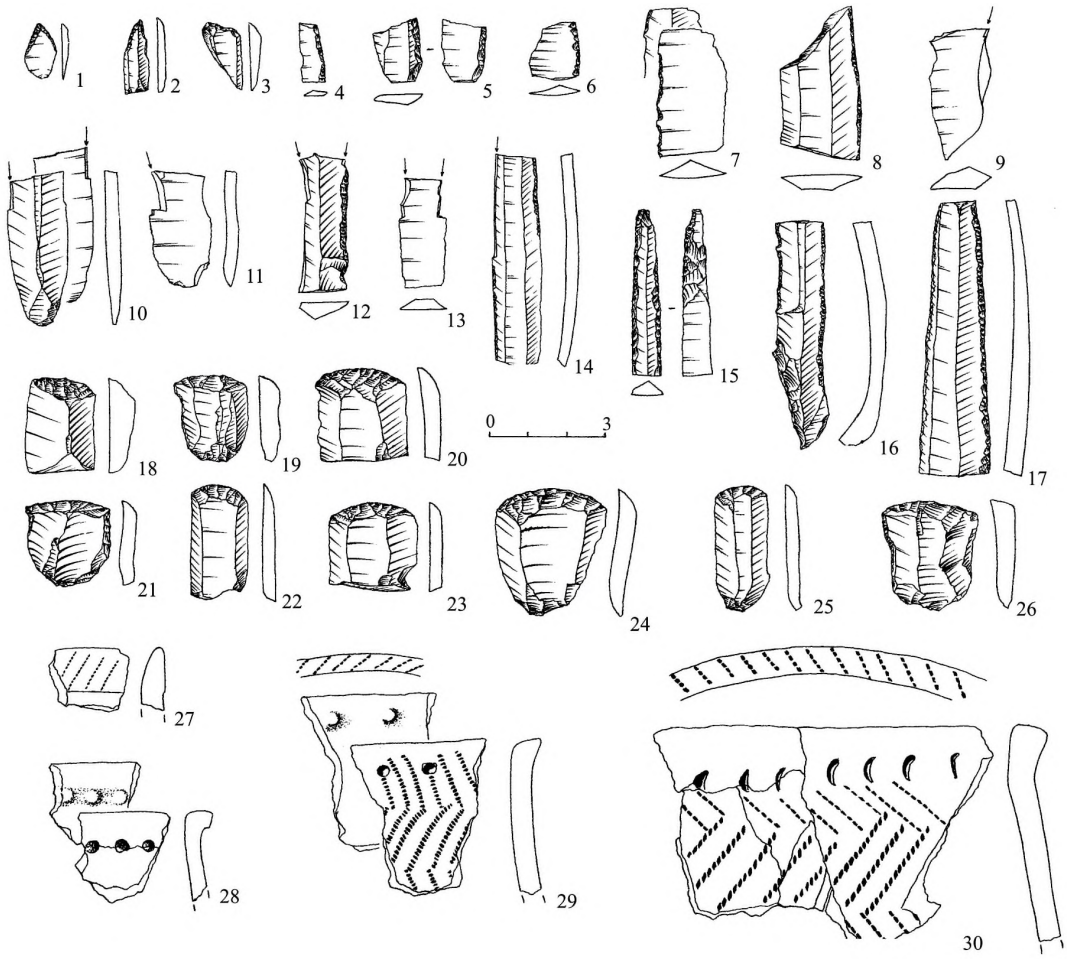

Рис. 9. Инвентарь с пункта В поселения Белкарагай 1. 1–26 – камень, 27–30 – керамика
9-сур. Белқарағай 1 қонысының В пунктіндегі құралдар. 1–26 – тас, 27–30 – керамика
Fig. 9. Inventory from the point B of the Belkaragai settlement 1. 1–26 – stone, 27–30 – ceramics

риалах Зауралья. Особенно хочется выделить сосуд маханджарского облика, найденный на козловском поселении Мергень 7, где, судя по всему, в местный коллектив попал индивид со своим «приданным», а также маханджарский сосуд с типичным козловским «ушком» и орнаментом с поселения Кочегарово 1 (рис. 8, *9*) [Еньшин 2015: 15–27; Яковлева 2018: 87]. Характер этих контактов был, скорее всего, в виде семейно-брачных отношений [Шевнина, Логвин 2020: 63–65; Шевнина 2022: 150].

Белкарагайский тип керамики. Финальный неолит?

При исследовании керамики урочища Белкарагай И.В. Шевниной была выделена группа гребенчатой керамики энеолитического облика, с типично маханджарской примесью шерсти и волоса животных в тесте [Шевнина 2019: 24, 25]. При этом была выявлена отличительная черта такой керамики – наличие глубоких вдавлений, либо «жемчужин» под венчиком (рис. 9).

Сопутствующий каменный инвентарь (рис. 9) данной керамике имеет явные неолитические черты и вполне сопоставим с материалами известных неолитических культур сопредельных территорий [Зах 2009: 162–166, 174–175, 187, 199, 205–206, 209], в том числе и с маханджарской неолитической культурой Тургая [Логвин, Шевнина 2007: 175–179]. Сравнивая белкарагайские материалы с полученными на эталонных маханджарских памятниках (Соленое Озеро 2, Екидин 24), мы можем отметить схожесть по многим параметрам: пластинчатый облик индустрии, который характерен для неолита Тургая; немногочис-

Рис. 10. Керамика белкарагайского типа. 1–3 – поселение Белкарагай 1; 4, 6–14 – поселение Бестамак; 5 – поселение Светлый Джаркуль; 15 – стоянка Дузбай 3; 16 – поселение Буруктал 1

10-сур. Белқарағай типті керамика. 1–3 – Белқарағай 1 қонысы; 4, 6–14 – Бестамақ қонысы; 5 – Светлый Джаркуль (Ақжаркөл) қонысы; 15 – Дүзбай 3 тұрағы; 16 – Бұрықтал 1 қонысы

Fig.10. Ceramics of the Belkaragai type. 1–3 – Belkaragai settlement 1; 4, 6–14 – Bestamak settlement; 5 – Svetly Dzharkul settlement; 15 – Duzbai 3 site; 16 – Buruktal settlement 1

ленные орудия на отщепах (23%); кварцитопесчанник в качестве сырья (маханджарцы, также как и белкарагайцы использовали кварцитопесчанник); близкое распределение пластин без обработки по ширине; сопоставимый набор орудий; наличие всех типов белкарагайских орудий на пластинах и на маханджарских памятниках. Среди отличий отметим: несколько большая ширина орудий на пластинах по сравнению с маханджарскими; отсутствие геометрических орудий, пластин с притупленной спинкой; меньшая степень использования во вторичной обработке приостряющей ретуши и наоборот повышенное количество угловых резцов (28% против 9–12%). Несмотря на сходства, имеющиеся различия, по нашему мнению, не позволяют объединить данные коллекции в рамках одной культуры и, возможно, указывают на более поздний возраст белкарагайского материала (финальный неолит?). От энеолитических терсекских коллекций Тургая, камень, сопутствующий белкарагайской керамике отличается кардинально, в первую очередь отсутствием развитой отщеповой индустрии, характерной для терсека.

На наш взгляд, высокая степень сопоставимости каменной коллекции белкаргайских материалов с маханджарскими материалами, вкупе с энеолитической профилировкой сосудов, говорит о послемаханджарском бытовании белкаргайских древностей. Обратившись к материалам других тургайских памятников, полученных В.Н. Логвиным и С.С. Калиевой, удалось выявить керамику белкарагайского типа на стоянках Дузбай 3, Светлый Джаркуль, поселении Бестамак и Буруктал 1 (рис.10). По-видимому, материалы белкарагайского типа представляют собой не локальное явление, отразившееся на одном памятнике, а имеет более широкий характер, (по крайней мере, в пределах Тургайского прогиба). Скорее всего, это явление культурного характера, которое отражает процессы, происходившие в Тургае в конце неолита [Шевнина, Логвин 2022: 5–16].

Заключение. Несмотря на большой объем проделанной работы, осталось немало проблемных вопросов, которые находятся лишь в своей начальной разработке. Например, необходимо продолжение изучения процессов, происходивших в Тургае в финальном неолите. Вопросы генезиса и дальнейших путей расселения маханджарских племен также находятся в своей начальной стадии. В ходе изучения эпохи неолита Тургая стало очевидно, что территория Тургайского прогиба издревле является так называемым «коридором» между Средней Азией и Уралом, Сибирью, то есть контактной зоной между различными культурами, социально-экономическими и мировоззренческими системами, что не могло не сказаться на глобальных процессах, протекавших, как в регионе, так и за его пределами. Многие проблемы, связанные с миграционными процессами, протекавшими на огромной территории Средней Азии, Зауралья и Тургая также остаются не до конца раскрытыми. В связи с выше сказанным, считаем, необходимым продолжать исследования по обозначенным проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев А.Е. Неолит и энеолит полуострова Мангышлак. Материалы и исследования по археологии Казахстана VI. Астана: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 359 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Москва: Наука, 1981. 172 с.

Гайдученко Л.Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-Казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы. // Зданович С.Я. (под ред.). Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника Аркаим. Кн. 1. Челябинск: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. С. 150–163.

Гайдученко Л.Л. Домашняя лошадь в неолите Казахстана // Маргулановские чтения – 2009. Материалы международной научной конференции. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2009. С. 27–30.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Пришимье): характеристика и интерпретация. // *ВААЭ* (2), 2015. С. 15–27.

Жалелов А.А. Разведочные работы Тургайской археологической экспедиции по рекам Кара-Тургa и Кара-Кенгир летом 2021 год // Ахинжановские чтения – 2022: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Алматы, 20–22 апреля 2022 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. С. 122–126.

Зах В.А. Хронострaтиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Логвин А.В. Стоянка маханджарской культуры Екидин 24 Тургайского прогиба // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общественных наук. 2002. № 1. С. 15–23.

Логвин В.Н. Каменный век Казахстанского Притоболья (мезолит-энеолит). Алма-Ата: КГПУ, 1991. 63 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Производственные аспекты жизнедеятельности маханджарского населения // Отан тарихы, 2007. № 3. С. 174–185.

Логвин А.В., Шевнина И. В. Неолит Тургая: климат, окружающая среда, палеоэкономика и человек (по материалам маханджарской культуры) // Stratum plus. 2021. №2. С. 15–29.

Марков Г. Е. Раскопки первобытной стоянки Оюклы // *Вестник МГУ* (3), 1961. С. 67–82.

Туленбаев Н.С., Урстемов М.Е., Степаненко П.В. Разведочные работы Тургайской археологической экспедиции по реке Тургай (по материалам 2022 года) // Ахинжановские чтения – 2023: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых (г. Алматы, 28–22 апреля 2023 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2023. С. 197–201.

Шевнина И.В. Гончарство неолитических племен Торгая // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана, 2014. т. IV. 235 с.

Шевнина И.В. Эксперименты с добавлением шерсти в формовочные массы в контексте изучения неолитической керамики Торгая. // Цетлин Ю.Б.(гл. ред.). Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум 29–31 окт. 2013 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки ИА РАН, 2015. С. 155–163.

Шевнина И.В. Керамический комплекс маханджарской культуры в системе неолитических древностей евразийских степей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. № 4. С. 63–74.

Шевнина И.В. Керамика эпохи неолита Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 33 с.

Шевнина И.В. Керамика боборыкинского облика Тургая // Поволжская археология. 2022. №3 (41). С. 135–150. DOI: 10.24852/pa2022.3.41.135.150

Шевнина И.В., Логвин А.В. Освоение неолитическим населением Тургайского прогиба // Stratum plus. 2020. №2. С. 57–69.

Шевнина И.В., Логвин А.В. К вопросу о выделении белкарагайского типа неолитической керамики Тургая // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 3. С. 5–16. DOI: 10.20874/2071-0437-2022-58-3-1

Шорин А.Ф., Вилисов Е.В., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // Российская археология. 2015. № 1. С. 5–18.

Яковлева Е.С. Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово I). // Выборнов А. А. (ред.). *XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева.* М-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.) Самара: Порто-Принт, 2018. С. 86–88.

Alan K. Outram, Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed. The Earliest Horse Harnessing and Milking. / *Science* (5919), 2009. P. 1332–1335.

Casanova E., Knowles T.D.J., Outram A.K., ..., Logvin A., Shevnina I., Evershed R.P. Direct 14C dating of equine products preserved in archaeological pottery vessels from Botai and Bestamak, Kazakhstan. Archaeological and Anthropological Sciencesthis. 2022. 14(9). DOI: 10.1007/s12520-022-01630-2

REFERENCES

Astafyev, A. E. 2014. *Neolit i eneolit poluostrova Mangyshlak. Materialy i issledovaniya po arheologii Kazakhstana. T. VI (Neolithic and chalcolithic of the Mangyshlak peninsula. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan. Vol. 6).* Astana: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Vinogradov, A. V. 1981. *Drevnie ohotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurechya (Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluve)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Gaiduchenko, L. L. 2000. In: Zdanovich, S. Y. (ed.). *Trudy muzeya-zapovednika Arkaim (Proceedings of the Arkaim Museum-Reserve)*, 1. Chelyabinsk: Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, 150–163 (in Russian).

Gaiduchenko, L. L. 2009. In: *Margulanovskiye chteniya–2009 (Margulan readings–2009)*. Petropavlovsk: Kozybayev University, 27–30 (in Russian).

Yenshin, D. N. 2015. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography)*, 2, 15–27 (in Russian).

Zhalelov, A. A. 2022. In: Mussayeva, R. (ed.). *Akhinzhanovskie chteniya–2022 (Akhinzhanov readings–2022)*. Almaty: Margulan Institute of archaeology, 122–126 (in Russian).
Zakh, V. A. 2009. *Khronostratigrafiya neolita i rannego metalla lesnogo Tobolo-Ishimiya (Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest Tobol-Ishim region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
Logvin, A. V. 2002. In: *Izvestiya MON NAN Kazakhstana. Ser. obshestv. nauk (News of the Ministry of Education and Science National academy of sciences of Kazakhstan. Social sciences ser),* 1, 15–23 (in Russian).
Logvin, V. N. 1991. *Kamennyi vek Kazahstanskogo Pritobolya (mezolit–eneolit) (Stone Age of the Kazakhstan Tobol river region (Mesolithic–Eneolithic)).* Almaty: Kazakh State Pedagogical University (in Russian).
Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2007. In: *Otan tarihy (History of the homeland)*, 3, 174–185 (in Russian).
Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2021. In: *Stratum plus,* 2, 15–29 (in Russian).
Markov, G. E. 1961. In: *Vestnik MGU (Bulletin of Moscow State University)*, 3, 67–82 (in Russian).
Tulenbayev, N. S., Urstemov, M. E., Stepanenko, P. V. 2023. In: Mussaeva, R. (ed.) *Akhinzhanskie chteniya–2023 (Akhinzhanov readings–2023).* Almaty: Margulan Institute of archaeology, 197–201 (in Russian).
Shevnina, I. V. 2014. *Goncharstvo neoliticheskikh plemen Torgaya (Pottery of the Neolithic tribes of Turgai)*. Astana: Branch of Institute of archaeology in Astana (in Russian).
Shevnina, I. V. 2015. In: Tsetlin, Y. B. (ed.). *Sovremennye podhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii (Modern approaches to the study of ancient ceramics in archaeology).* Moscow: Institute of archaeology RAS, 155–163 (in Russian).
Shevnina, I. V. 2018. In: *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsialno-gumanitarnye nauki (Bulletin of South Ural State University. Social Sciences and the Humanities ser.)*, 4, 63–74 (in Russian).
Shevnina, I. V. 2019. *Keramika epohi neolita Turgaiskogo progiba (Neolithic ceramics of the Turgai Depression)*: abstract of Thesis Cand. of Historical sciences. Kemerovo (in Russian).
Shevnina, I. V. 2022. In: *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 3 (41), 135–150 (in Russian).
Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2020. In: *Stratum plus*, 2, 57–69 (In Russian).
Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2022. In: *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)*, 3, 5–16 (in Russian).
Shorin, A. F., Vilisov, E. V., Shorina, A. A. 2015. In: *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)*, 1, 5–18 (in Russian).
Yakovleva, E. S. 2018. In: Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Uralskoye arkheologicheskoye soveshchaniye (21st Urals Archaeological Conference)*. Samara: "Porto-Print" Publ., 86–88 (in Russian).
Outram, A. K., Stear, N. A., Bendrey, R., Olsen, S., Kasparov, A., Zaibert, V., Thorpe, N., Evershed, R. P. 2009. In: *Science,* 325 (5919), 1332–1335 (in English).
Casanova, E., Knowles, T. D. J., Outram, A. K., ... Logvin, A., Shevnina, I., Evershed, R. P. 2022. In: *Archaeological and Anthropological Sciences*, 14(9). DOI: 10.1007/s12520-022-01630-2 (in English).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 10.03.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.04.2023.
Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.